

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Научная статья | Original paper

Краткий вариант Шкалы оценки жизнеспособности семьи (FRAS20-R11A) для подростков 13–18 лет

М.А. Одинцова ✉, Н.П. Радчикова, Е.М. Семёнова, Л.А. Комин
Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация
✉ mari505@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Жизнеспособность семьи является значимым фактором общего благополучия подростков. Теоретической основой исследования послужила концепция жизнеспособности семьи Ф. Уоли, которая объединяет функционирование семьи в трех основных измерениях: семейная система убеждений, организационные модели и коммуникативные процессы.

Цель. Проверка психометрических характеристик краткого варианта Шкалы оценки жизнеспособности семьи (FRAS20-R11A) на выборке подростков от 13 до 18 лет.

Гипотеза. Краткий вариант Шкалы оценки жизнеспособности семьи для подростков (FRAS20-R11A) обладает достаточной внутренней надежностью и валидностью.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 616 подростков в возрасте от 13 до 18 лет (средний возраст — $16,2 \pm 1,0$; медиана = 17 лет), 84,7% девушек. Подросткам была предложена Шкала оценки жизнеспособности семьи FRAS-R11 в варианте для взрослых (40 пунктов и пять субшкал). Для проверки внешней валидности использовалась Многомерная шкала удовлетворенности жизнью ШУДЖИ, измеряющая пять показателей удовлетворенности жизнью в разных областях: семья, школа, учителя, я сам, друзья.

Результаты. Подтверждены пятифакторная структура краткого варианта FRAS20-R11A, его надежность и валидность. Жизнеспособность семьи выше оценили юноши, подростки из полных семей, а также подростки, которые указали на отсутствие неблагоприятных событий в семье и на события не межличностного характера (болезнь, утрата, материальные проблемы).

Выводы. Краткий вариант FRAS20-R11A, сохраняющий пятифакторную структуру, включающий по 4 пункта в каждой субшкале, обладает достаточной внутренней согласованностью, надежностью и валидностью, может использоваться при проведении масштабных и индивидуальных исследований с участием подростков.

Ключевые слова: Шкала оценки жизнеспособности семьи FRAS20-R11A, надежность, валидность, подростки, удовлетворенность жизнью, полная семья, неполная семья, неблагоприятные события в семье

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 17.02.2026 № 073-00097-26-03 «Психодиагностический комплекс для оценки психологических ресурсов подростков 12–18 лет в условиях современных стрессов (интеграция с ГИС “Моя школа”)».

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/6075b7ca-0100-4510-a5f9-a2d78557423e>

Для цитирования: Одинцова, М.А., Радчикова, Н.П., Семёнова, Е.М., Комин, Л.А. (2026). Краткий вариант Шкалы оценки жизнеспособности семьи (FRAS20-RIIA) для подростков 13–18 лет. *Социальная психология и общество*, 17(2), 182–201. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170211>

Short version of the family resilience assessment scale (FRAS20-RIIA) for adolescents aged 13–18

M.A. Odintsova ✉, N.P. Radchikova, E.M. Semionova, L.A. Komin

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ mari505@mail.ru

Abstract

Context and relevance. *Family resilience is a significant factor in adolescents' psychological well-being. The theoretical framework of the study is based on F. Walsh's concept of family resilience, which conceptualizes family functioning across three core dimensions: belief systems, organizational patterns, and communication processes.*

Objective. *To examine the psychometric properties of the short version of the Family Resilience Assessment Scale for Adolescents (FRAS20-RIIA) in a sample of adolescents aged 13–18 years.*

Hypothesis. *The short version of the Family Resilience Assessment Scale for Adolescents (FRAS20-RIIA) demonstrates adequate internal consistency and validity.*

Methods and materials. *The study involved 616 adolescents aged 13–18 years (mean age = 16,2 ± 1,0 years; median = 17), of whom 84,7% were female. Participants completed the adult version of the Family Resilience Assessment Scale (FRAS-RII; 40 items, five subscales). External validity was assessed using the Multidimensional Life Satisfaction Scale (MSLSS), which measures satisfaction across five life domains: family, school, teachers, self, and friends.*

Results. *The five-factor structure of the abbreviated FRAS20-RIIA was confirmed, along with its reliability and validity. Higher levels of family resilience were reported by male adolescents, adolescents from intact families, and adolescents who reported no adverse family events or only non-interpersonal adverse events (e.g., illness, loss, financial difficulties).*

Conclusions. *The short FRAS20-RIIA retains the original five-factor structure, with four items per subscale, and demonstrates satisfactory internal consistency, reliability, and validity. The scale can be effectively used in both large-scale surveys and individual assessments of adolescents.*

Keywords: *Family Resilience Assessment Scale (FRAS20-RIIA), reliability, validity, adolescents, life satisfaction, intact family, single-parent family, adverse family events*

Funding. The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation dated February 17, 2026 No. 073-00097-26-03 “Psychodiagnostic complex for assessing the psychological resources of adolescents aged 12–18 years in conditions of modern stress (integration with the GIS ‘My School’)”.

Supplemental data. Datasets available from <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/6075b7ca-0100-4510-a5f9-a2d78557423e>

For citation: Odintsova, M.A., Radchikova, N.P., Semionova E.M., Komin, L.A. (2026). Short version of the family resilience assessment scale (FRAS20-RIIA) for adolescents aged 13–18. *Social Psychology and Society*, 17(2), 182–201. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170211>

Введение

Подростковый возраст — период интенсивного взросления, поиска идентичности, быстрого изменения социального статуса, который метко описан Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя»: «дитя уже вышло из детства и появилось лишь неготовым человеком, робко и дерзко желающим поскорее ступить свой первый шаг в жизни» (Достоевский, 2010, с. 223). Противоречивость, конфликтность и неустойчивость внутреннего мира подростка становятся источником стресса для всей семьи. Наряду с нормативными трудностями взросления, семьи сталкиваются и с другими стрессами (межличностного и немежличностного плана), что создает дополнительную нагрузку на всю семейную систему. Тем не менее семья остается главным источником стабильности, поддержки, благополучия и рассматривается как важнейший «микросоциальный фактор» для подростков (Лактионова, 2017). Большое значение имеет наличие необходимых семейных психологических ресурсов, а также способность семьи имеющиеся ресурсы сохранять, восстанавливать и преобразовывать, то есть быть жизнеспособной.

Несмотря на то, что концепция жизнеспособности семьи, разработанная Ф. Уолш и объединяющая функ-

ционирование семьи в трех основных измерениях: система убеждений, организационные модели и коммуникативные процессы, получила широкое распространение в отечественных и зарубежных исследованиях, само понятие «жизнеспособность семьи» признается неоднородным. Под ним понимают: интерактивный процесс, благодаря которому семья как единое целое мобилизует коллективные ресурсы для противостояния стрессу и восстановления после него, одновременно поддерживая благополучие всех ее членов (Walsh, 2016); защитный фактор, снижающий тревожность и депрессию, укрепляющий семейные связи и улучшающий взаимодействие внутри нее (Maurovi, Liebenberg, Feric, 2020); «активное использование семьей своих ресурсов, соответствующих сложности ситуации, разнообразие стратегий совладания, эволюцию ресурсов, адаптацию их к изменениям и, наконец, развитие» (Махнач, 2024, с. 398).

Исследования показывают, что жизнеспособность семьи имеет большое значение для подростков: защищает от проблем, связанных с нарушением психического здоровья, способствует развитию сильных сторон личности и благополучию (Yu et al., 2025); повышает эмоциональную гибкость в процессе семейного общения и эмоцио-

нального взаимодействия (Ao et al., 2025); поддерживает успешную психологическую адаптацию при хронических заболеваниях (Chen et al., 2024); является коллективным продуктом общего и интерактивного процесса взаимодействия с родителями в условиях вооруженных конфликтов (Finklestein, Pagorek-Eshel, Laufer, 2022).

Подмечено, что самыми сильными являются впечатления детства, которые «уносятся в жизнь» (Достоевский, 2010, с. 621) и на основе которых выстраиваются будущие семьи. Так, установлено, что подростки, являющиеся свидетелями конфликтов между родителями или вовлеченные в них, усваивают дисфункциональное поведение своих родителей (Ко ак, 2024); подтверждена межпоколенческая передача симптомов депрессии, связанная с конфликтной, стресс-напряженной семейной средой (Jin et al., 2025); дискриминационный опыт передается подросткам через негативное поведение родителей, влияет на качество семейных отношений и благополучие (Zhang et al., 2024).

В противовес этому ряд других исследований показывает, что жизнеспособность семьи становится фактором жизнеспособности человека на протяжении всей его жизни (Лактионова, 2017); ослабляет воздействие неблагоприятного детского опыта и может прервать межпоколенческую передачу травмы (Polavarapu, Singh, Adhikari, 2025).

Становится очевидным, что жизнеспособность семьи является ключевым ресурсом для развития подростков и поддерживает их в данном сложном переходном периоде. Для глубокого изучения восприятия жизнеспособности семьи самим подростком возникает про-

блема измерения данного многомерного конструкта. В исследованиях жизнеспособности семьи наиболее популярным вариантом является «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS) М. Сиксби (Sixbey, 2005), разработанная для взрослых на основе концепции Ф. Уолш. Данная шкала получила широкое распространение, поскольку ее структура иллюстрирует процесс адаптации всей семьи к разным контекстам, но в разных исследованиях включает разное количество пунктов (от 6 до 54). Шкала переведена на китайский (Chiu et al., 2019; Chu et al., 2021; Boqiong-Tian et al., 2024; Tang et al., 2024), польский (Nadrowska, Błazek, Lewandowska-Walter, 2021), турецкий (Kaya, Arıcı, 2012), русский (Гусарова и др., 2021; Гусарова и др., 2024) и другие языки; адаптирована на выборках разных культур (Китай и США) (Chow et al., 2022); используется и для подростков (Chen et al., 2024; Shen et al., 2025).

Метаанализ (Demir, Demircioğlu, 2024) надежности Шкалы оценки жизнеспособности семьи показал, что приводимые авторами хорошие показатели надежности не дают достаточного представления о конструктивных свойствах FRAS, на которые следует ориентироваться при исследованиях более молодых возрастных групп. Следовательно, для проверки психометрических свойств FRAS на выборках подростков требуются дополнительные исследования, на что обратили внимание ученые из Китая (An, Cheng, Yue, Yuan, 2024), Малайзии (Hamzah et al., 2023) и Сингапура (Chew, Naase, 2016). Китайская версия (FRAS-CR) была адаптирована на выборке подростков от 11 до 17 лет из семей мигрантов ($N = 1487$, 47,6% девочек),

включала 40 пунктов и 4 субшкалы: «Семейное общение и решение проблем», «Поддержка позитивного мировоззрения», «Семейная связность» и «Использование социально-экономических ресурсов». Конфирматорный факторный анализ (КФА) показал приемлемое соответствие пересмотренной четырехфакторной модели: $\chi^2/df = 2,39$, $CFI = 0,91$, $TLI = 0,91$, $RMSEA$ (90% ДИ) = 0,047 (0,044–0,050), $SRMR = 0,040$. Результаты не подтвердили исходную структуру из шести факторов, что объясняется культурным контекстом и характеристиками участников. Субшкала «Духовность семьи» сразу была удалена, так как большинство китайцев следуют личным этическим стандартам, не полагаясь на верховное божество. Были удалены и пункты, содержащие поощрение индивидуальности, что противоречит китайской коллективистской культуре. Среди ограничений данного исследования обозначена нестабильность факторной структуры и пунктов некоторых из субшкал. Малазийская версия FRS-Malay (Hamzah et al., 2023), состоящая из четырех пунктов, была разработана для подростков от 10 до 19 лет ($N = 169$) и молодежи от 20 до 24 лет ($N = 182$). На основе инструкции: «Когда ваша семья сталкивается с проблемами, как часто вы будете делать следующее...» предлагалось ответить на 4 утверждения: «Обсуждаем вместе, что делать» (ясность коммуникации), «Работаем вместе, чтобы решить наши проблемы» (совместное решение проблем), «Знаем, что у нас есть сильные стороны, на которые можно опереться» (позитивное мировоззрение), «Сохраняем надежду даже в трудные времена» (осмысление невзгод). Однако в статье не обозначено,

по какому принципу отбирались данные пункты. КФА показал хорошее соответствие модели: $SRMR = 0,023$ ($< 0,08$), $CFI = 0,991$ ($> 0,95$), $TLI = 0,974$ ($> 0,95$), $RMSEA$ (90% ДИ) = 0,076 (0,000–0,187). Проверены психометрические характеристики взрослого варианта FRAS на выборке подростков с эпилепсией из Сингапура (Chew, Haase, 2016). Авторы сохранили 54 пункта, получив семифакторную структуру (смыслообразование и позитивный взгляд на жизнь; духовность; гибкость и семейная связность; ресурсы – сообщество; ресурсы – соседи; ясность и открытое выражение эмоций; совместное решение проблем). Представлены сведения о надежности субшкал, которая варьирует от 0,93 до 0,97. Других вариантов данной методики для подростковой аудитории в доступных источниках не обнаружено.

Таким образом, китайский и сингапурский варианты недостаточно практичны из-за объема, так как возникает риск снижения мотивации подростков. В китайском варианте утрачена субшкала духовности семьи. Малазийская версия чрезмерно упрощает многомерность феномена «жизнеспособность семьи», ориентирована на ее общий уровень. Кроме того, большинство существующих методик жизнеспособности семьи адаптированы для взрослых, но используются для подростков (Chen et al., 2024; Shen et al., 2025) без надлежащей проверки психометрических характеристик, хотя показано, что восприятие семьи взрослыми и подростками существенно различается (Chen et al., 2024).

Для преодоления методологического противоречия между необходимостью сохранить многомерность конструкта

«Жизнеспособность семьи» с учетом оптимального количества утверждений и ограниченностью использования взрослых версий для подростков нами был разработан краткий вариант FRAS20-R11A на основе Шкалы оценки жизнеспособности семьи для взрослых FRAS-R11 (Гусарова и др., 2024). Целью данной работы была проверка психометрических характеристик этого варианта шкалы оценки жизнеспособности семьи (FRAS20-R11A) на выборке российских подростков от 13 до 18 лет.

Материалы и методы

Участники исследования. В исследовании приняли участие 616 подростков в возрасте от 13 до 18 лет (средний возраст составил $16,2 \pm 1,0$ года; медиана = 17 лет), среди них подростков женского пола 84,7%. Для сравнения по возрасту было выделено две возрастные группы: 13–15 лет ($N = 156$) и 16–18 лет ($N = 460$).

Методики. Участникам исследования была предложена Шкала оценки жизнеспособности семьи FRAS-R11 (Гусарова и др., 2024) в варианте для взрослых (40 пунктов и пять субшкал). Неблагоприятные семейные события, о которых необходимо было указать в процессе заполнения методики, были разделены на типы: отсутствие такого события (такого события не было), межличностные (смерть близкого человека, переезд, болезнь и т.п.), межличностные (ссоры, развод родителей, конфликты и т.п.), внутриличностные (апатия, депрессия, переходный возраст), множественные (перечислено несколько событий одновременно) и события, о которых подросток не захотел говорить (это личное, не хочу говорить об этом).

Для проверки внешней валидности использовалась Многомерная шкала удовлетворенности жизнью ШУДЖИ (Сычев и др., 2018), измеряющая удовлетворенность в разных областях: семья, школа, учителя, я сам, друзья.

Дополнительно к психодиагностическим методикам подростки отвечали на вопросы о социо-демографических характеристиках: возраст, пол, состав семьи (ответы на открытый вопрос «С кем ты живешь?»). Ответы на последний вопрос кодировались по типу семьи: полная («живу с папой и мамой», «с родителями и сестрой» и т.д.; $N = 427$); неполная («с мамой», «с мамой и бабушкой»; $N = 143$); смешанная («с бабушкой, мамой, отчимом», «с мамой, отчимом и моей сестрой» и т.д.; $N = 35$). Ответы: «с кошкой», «с друзьями (закрытая школа)», не кодировались ($N = 11$).

Процедура. Данные собирались с помощью Яндекс-формы. Информированное согласие на участие в исследовании было предоставлено родителями подростков.

Статистический анализ. Для проверки внутренней согласованности методики использовались коэффициенты альфа Кронбаха, коэффициенты половинного расщепления Гутмана и конфирматорный факторный анализ (КФА). Для сравнения групп разного возраста, пола, типа семьи и вида неблагоприятного семейного события по всем пяти субшкалам методики FRAS20-R11A использовался двухфакторный дисперсионный анализ.

Результаты

Для сокращения методики выборка была разделена случайным образом в статистическом пакете SPSS на две при-

мерно одинаковые части: 315 и 301 человек. Две случайные выборки были эквивалентны по возрасту ($t(614) = 0,72$; $p = 0,47$) и полу ($\chi^2 = 0,19$; $df = 1$; $p = 0,67$). Для первой подвыборки ($N = 315$) на основании статистики (минимальные альфы Кронбаха при исключении пункта) и содержания пунктов (максимально вариативное содержание) было отобрано по 4 утверждения для каждой субшкалы методики. Затем были рассчитаны показатели внутренней согласованности для этой подвыборки (табл. 1). Статистический анализ показал высокую внутреннюю надежность: альфы Кронбаха выше 0,80 во всех случаях, кроме субшкалы «Принятие и гибкость»; индексы соответствия КФА показали либо хорошее (CFI , TLI , $SRMR$, $CMIN/DF$), либо приемлемое соответствие (GFI , $RMSEA$).

Показатели внутренней согласованности были рассчитаны для второй подвыборки и для всей выборки (табл. 1). Альфы Кронбаха оказались выше, чем для первой подвыборки, а при объединении выборок показали хорошую согласованность (не ниже 0,75). КФА также обнаружил приемлемое соответствие модели полученным

данным (табл. 1). Показатели CFI и TLI оказались выше 0,90, а в некоторых случаях выше 0,95, что демонстрирует хорошее соответствие; индекс $CMIN/DF$ оказался менее 3 для каждой из подвыборок и менее 3,5 для всей выборки, что является хорошим соответствием, так как этот показатель зависит от размера выборки. Индекс GFI равен 0,89, что немного ниже порогового значения 0,90, но так как для $N > 100$ « $GFI \geq 0,93$ либо $SRMR \leq 0,08$ указывает на приемлемое соответствие» (Cho et al., 2020, с. 197), то в нашем случае модель имеет устойчивую структуру. Кроме того, пятифакторная модель с четырьмя пунктами на каждый фактор оказалась инвариантна как для случайных подвыборок, так и для пола и возраста респондентов (Приложение В, табл. В1).

Таким образом, краткий вариант методики, сохраняющий структуру, но включающий по 4 пункта в каждой субшкале, обладает достаточной внутренней согласованностью и надежностью. Полная версия новой краткой формы методики FRAS20-RIIA представлена в Приложении А.

Для проверки внешней валидности были рассчитаны коэффициенты корреля-

Таблица 1 / Table 1
Показатели внутренней согласованности методики FRAS20-RIIA
Internal consistency indicators of the FRAS20-RIIA

Шкалы методики FRAS20-RIIA / FRAS20-RIIA scales	Выборки / Samples					
	N = 315		N = 301		N = 616	
	α	β	α	β	α	β
Семейная коммуникация и связность / Family Communication and Connectedness	0,87	0,88	0,90	0,90	0,89	0,89
Позитивный прогноз и решение проблем / Positive Outlook and Problem Solving	0,89	0,88	0,90	0,89	0,90	0,89
Принятие и гибкость / Acceptance and Flexibility	0,72	0,70	0,78	0,81	0,75	0,76
Социальные ресурсы / Social Resources	0,89	0,90	0,87	0,91	0,88	0,90

Шкалы методики FRAS20-РИА / FRAS20-RIA scales	Выборки / Samples					
	N = 315		N = 301		N = 616	
	α	β	α	β	α	β
Духовность семьи / Family Spirituality	0,89	0,92	0,91	0,92	0,90	0,92
Жизнеспособность семьи (общий балл) / Family Resilience Assessment Scale overall score	0,95	0,96	0,96	0,97	0,96	0,96
Индексы согласованности КФА / CFA Fit Indices						
<i>GFI</i>	0,89		0,88		0,89	
<i>CFI</i>	0,95		0,95		0,96	
<i>TLI</i>	0,94		0,94		0,95	
<i>CMIN/DF</i>	2,50		2,60		3,49	
<i>SRMR</i>	0,05		0,05		0,04	
<i>RMSEA</i> [-95%; +95%]	0,069 [0,061; 0,078]		0,073 [0,065; 0,082]		0,064 [0,058; 0,069]	

Примечание: α – альфа Кронбаха; β – коэффициент половинного расщепления Гутмана; *GFI* – индекс соответствия; *CFI* – сравнительный индекс соответствия; *TLI* – индекс Такера-Льюиса; *CMIN/DF* – хи-квадрат / степени свободы; *SRMR* – стандартизированный среднеквадратичный остаток; *RMSEA* [-95%; +95%] – среднеквадратичная ошибка аппроксимации с ее 95% доверительным интервалом.

Note: α – Cronbach's alpha; β – Guttman split-half coefficient; *GFI* – Goodness of Fit Index; *CFI* – Comparative Fit Index; *TLI* – Tucker-Lewis Index; *CMIN/DF* – Chi-Square / Degrees of Freedom; *SRMR* – Standardized Root Mean Squared Residual; *RMSEA* [-95%; +95%] – Root Mean Square Error of Approximation with its 95% confidential interval.

ции всех субшкал и общего балла FRAS20-РИА со шкалами Многомерной шкалы удовлетворенности жизнью (табл. 2). Самые сильные связи FRAS20-РИА (от 0,56 до 0,84) были получены со шкалой «Семья», которая характеризует удовлетворенность подростков их отношениями с членами семьи. Следующие по величине связи (от 0,40 до 0,49) обнаружены со шкалой «Я сам», которая описывает удовлетворенность подростка самим собой, позитивное отношение к себе и субъективное представление о мнении о нем других людей.

Статистический анализ не показал различий по возрастным группам (13–15 лет и 16–18 лет): в дисперсионном анализе не обнаружено ни главного эффекта переменной «Возраст» ($F(1,614) = 1,77; p = 0,18$),

ни взаимодействия возраста со Шкалой FRAS20-РИА ($F(4,2456) = 0,46; p = 0,77$).

Сравнения всех субшкал FRAS20-РИА по полу показали отсутствие взаимодействия ($F(4,2456) = 1,05; p = 0,38$), но обнаружено наличие главного эффекта небольшой величины ($F(1,614) = 7,34; p = 0,007; \eta^2 = 0,01$). Это означает, что все характеристики жизнеспособности семьи подростки мужского пола оценивают выше, чем подростки женского пола (рис. 1). Полная описательная статистика по подросткам всей выборки и для разных подгрупп приведена в Приложении В, табл. В2.

Подростки из разных типов семей (полная/неполная/смешанная) поразному оценили жизнеспособность своих семей: самые высокие оценки у

Таблица 2 / Table 2

**Коэффициенты корреляции Пирсона шкал методики FRAS20-RIIA
со шкалами методики ШУДЖИ (N = 616)
Pearson correlation coefficients of the FRAS20-RIIA scales with the MSLSS
scales (N = 616)**

Шкалы методики FRAS20-RIIA / FRAS20-RIIA scales	Многомерная шкала удовлетворенности жизнью (ШУДЖИ) / Multidimensional scale of life satisfaction of schoolchildren (MSLSS)				
	Семья / Family	Школа / School	Учителя / Teachers	Я сам / Self	Друзья / Friends
Семейная коммуникация и связность / Family Communication and Connectedness	0,82	0,29	0,32	0,45	0,26
Позитивный прогноз и решение проблем / Positive Outlook and Problem Solving	0,77	0,24	0,27	0,45	0,30
Принятие и гибкость / Acceptance and Flexibility	0,75	0,22	0,26	0,40	0,29
Социальные ресурсы / Social Resources	0,56	0,26	0,27	0,41	0,37
Духовность семьи / Family Spirituality	0,80	0,28	0,30	0,44	0,29
Жизнеспособность семьи (общий балл) / Family Resilience Assessment Scale overall score	0,84	0,29	0,32	0,49	0,34

Примечание: все коэффициенты корреляции статистически значимы на уровне $p < 0,01$.
Note: all correlation coefficients are statistically significant at the $p < 0,01$ level.

подростков из полных семей, а самые низкие — из смешанных (с отчимами/мачехами). Дисперсионный анализ показал наличие главного эффекта средней величины ($F(2,602) = 7,95; p < 0,001; \eta^2 = 0,03$) при отсутствии взаимодействия ($F(8,2408) = 1,85; p = 0,06$). Полная описательная статистика по подросткам из разных типов семей приведена в Приложении В (табл. В2).

Таким образом, статистический анализ подтверждает как внутреннюю согласованность методики FRAS20-RIIA, так и ее внешнюю валидность.

Двухфакторный дисперсионный анализ не показал статистически значимого взаимодействия Типа неблагоприятного семейного события и Шкалы FRAS20-

RIIA ($F(4,2440) = 1,17; p = 0,27$), но выявил главный эффект фактора «тип неблагоприятного семейного события» ($F(5,610) = 16,55; p < 0,001; \eta^2 = 0,12$) с большой величиной эффекта. Иными словами, при разных неблагоприятных событиях в семье ее жизнеспособность проявляется по-разному, и это характерно для всех аспектов (шкал) жизнеспособности. Следовательно, закономерность изменения различных характеристик жизнеспособности семьи в зависимости от типа ситуации будет одинакова. На рис. 3 представлена зависимость общего балла FRAS20-RIIA от типа неблагоприятного события в семье (однофакторный дисперсионный анализ $F(5,610) = 16,55; p < 0,001; \eta^2 = 0,12$).

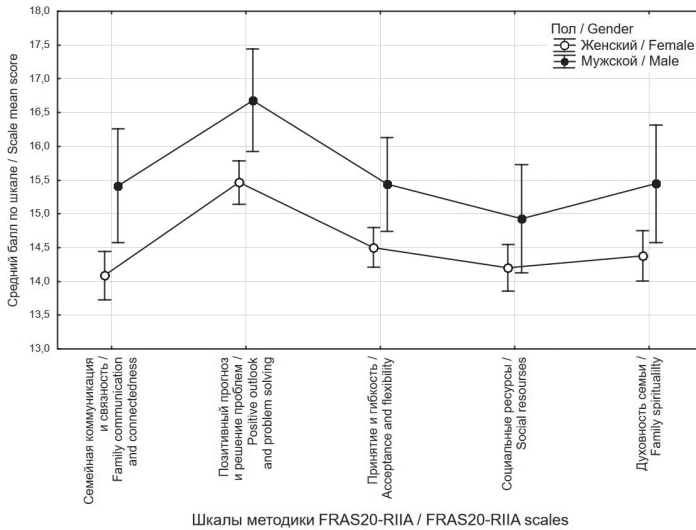

Рис. 1. Средние значения по шкалам методики FRAS20-RIIA для подростков разного пола ($N = 616$): вертикальные отрезки обозначают 95% доверительный интервал
Fig. 1. FRAS20-RIIA scales means for male and female adolescents ($N = 616$): vertical bars denote 95% confidence intervals

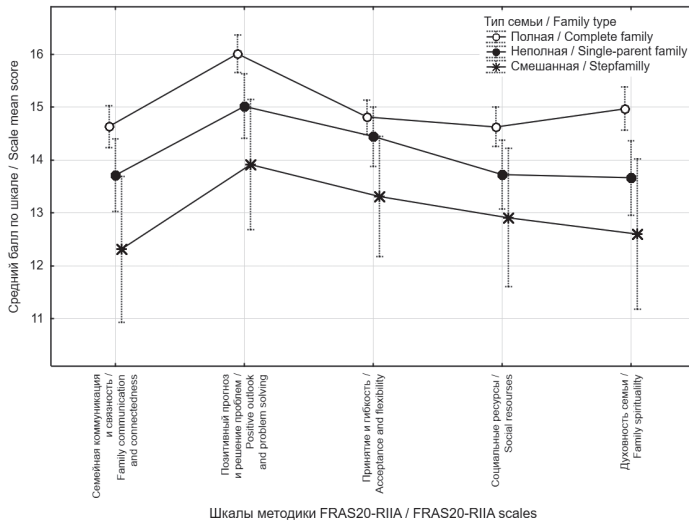

Рис. 2. Средние значения по шкалам методики FRAS20-RIIA в зависимости от типа семьи: вертикальные отрезки обозначают 95% доверительный интервал
Fig. 2. FRAS20-RIIA scales means depending on the type of family: vertical bars denote 95% confidence intervals

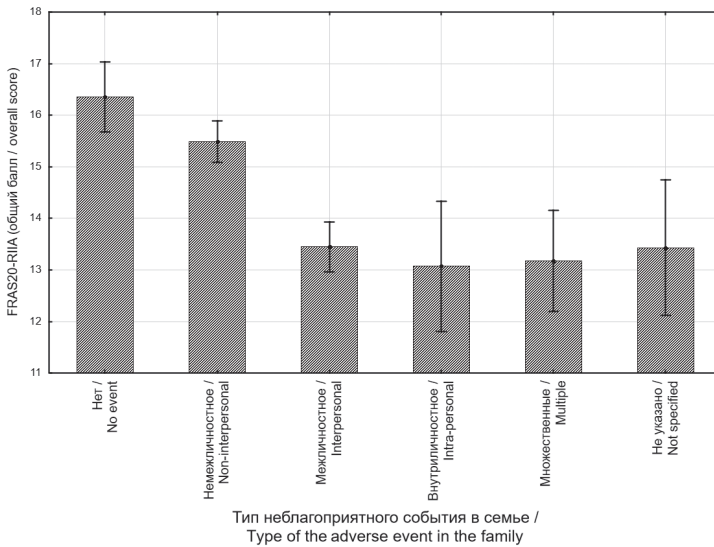

Рис. 3. Средние значения общего балла методики FRAS20-RIIA в зависимости от типа неблагоприятного семейного события ($N = 616$)

Fig. 3. FRAS20-RIIA total score means depending on type of adverse family event ($N = 616$)

Апостериорный критерий Дункана показывает, что жизнеспособность семьи оценивается максимально высоко при отсутствии неблагоприятных событий и при неблагоприятных событиях немежличностного характера (болезни, материальные трудности, утрата). Для неблагоприятных событий (межличностные, внутриличностные, множественные и неуказанные) оценка жизнеспособности семьи статистически значимо не различается, но она существенно ниже, чем для первых двух групп.

Обсуждение результатов

Еще Ф.М. Достоевский писал о современном ему состоянии семьи как о «случайном семействе» (Достоевский, 2010, с. 622), которое утратило свой прежний облик, а новый, «удовлетворяющий русское сердце», еще не приобрела. Эта

мысль не потеряла своей актуальности. От современных подростков — завтрашних родителей — зависит будущее российской семьи. Исследуя восприятие жизнеспособности семьи подростками при помощи нового краткого варианта FRAS20-RIIA, мы получаем уникальную возможность понять, какие ресурсы они унесут во взрослую жизнь и какое влияние это может оказать на благополучие следующих поколений, ведь именно «из подростков создаются поколения» (Достоевский, 1975, с. 452). Кроме того, вариант FRAS20-RIIA для подростков позволяет выявить контекстуальные факторы: виды неблагоприятных событий в семьях, уровень их сложности, типы семей, в которых происходит взросление, что является важной составляющей данной методики и часто не учитывается в зару-

бежных исследованиях. Мы сохранили не четыре, как в зарубежных аналогах, а пять альтернативных вариантов ответов на утверждения, что является наиболее оптимальным в плане выбора нейтрального ответа, а также надежности и валидности.

Наши результаты показали, что юноши оценивают жизнеспособность семьи выше, чем девушки, что соответствует ряду исследований. Например, юноши сообщали о большей семейной сплоченности и меньшем количестве проблем, провоцирующих стресс, чем девушки, в новозеландском исследовании (Gervais, Jose, 2024); девушки оказались менее устойчивы и более зависимы от поддержки и безопасности в семье при столкновении с семейными стрессами в бразильском исследовании (Rozenberg et al., 2014); семейный риск в четырех семейных сферах (социально-экономической, психологической, супружеской и сфере воспитания детей) усиливает интернализирующие проблемы в раннем подростковом возрасте только у девочек в США (Buehler, Gerard, 2013).

Возрастных различий в оценках жизнеспособности семьи наше исследование не показало. Возможно, это связано с узким возрастным диапазоном и с относительно устойчивым базовым восприятием семьи на протяжении всего подросткового периода, но требует подтверждения в дальнейшем на больших по объему выборках с детализацией возрастных групп и при контроле других переменных, таких как тип семьи (полная/неполная/смешанная), а также виды неблагоприятных событий в семьях.

Подростки из разных типов семей оценили жизнеспособность своих семей по-разному: самые высокие оценки у подростков из полных семей, а самые низкие — из смешанных. Последние столкнулись с не-

сколькими значимыми для них стрессами: распад одной семьи и создание другой. Так, в большом лонгитюдном 15-летнем исследовании ($N = 5431$) было показано, что развод родителей и взросление в неполной семье становятся важными стрессовыми событиями для 14-летних подростков и имеют последствия для формирования у них нездорового поведения во взрослом возрасте (Varis et al., 2024). В систематическом обзоре (Akshaya, Prabakar, Vorah, 2025) подчеркивается сложность структуры смешанных семей, что приводит к стрессу в повседневной жизни подростков, которые, наряду со сложностями взросления, чувствуют неопределенность в своей принадлежности одновременно к двум семейным системам (семье с кровными родителями и новой — с отчимом/мачехой). Это усиливает конфликт идентичности, отражается на поведении (сложность выстраивания новых привязанностей), сопровождается эмоциональными перегрузками и сказывается на благополучии. Совокупность таких значительных стрессоров для подростков из смешанных семей, вплетенных в ткань внутрисемейных взаимодействий, порождает чувство незащищенности и покинутости. Данные переживания накладываются на социальный контекст, в котором смешанные семьи воспринимаются как «неустоявшийся/неоформившийся» или «вторичный институт» (Cherlin, 1978), который считается непрочным и которому не хватает четко определенных норм (Petren, Ferraro, 2022). Вероятно, совокупность накопленных стрессов от распада прежней семьи и от формирования новой, а также усвоенный подростками стереотип смешанной семьи как «неустоявшейся» находят свое отражение в субъективно более низких оценках жизнеспособности семьи.

Нами было установлено, что подростки довольно высоко оценивают жизнеспособность семьи при отсутствии неблагоприятных событий либо при неблагоприятных событиях немежличностного характера (болезни, материальные трудности, утрата). Оценки жизнеспособности семьи существенно ниже и практически не различаются при столкновении семьи с межличностными (разводы, конфликты с родителями, сиблингами и т.п.), внутриличностными («мое рождение», «вина за смерть близкого», «страх неаттестации», «одиночество» и т.п.), множественными (два и более событий одновременно: «развод родителей и смерть бабушки», «смерть папы и мой диабет», «болезнь мамы, трудности в отношениях с отцом и переезд брата в другую страну» и т.п.) неблагоприятными событиями, а также с событиями, о которых подростки умолчали, но оценили их интенсивность достаточно высоко. Это не противоречит исследованиям, в которых показано, что межличностные стрессы оказывают более существенное негативное влияние на подростков, чем немежличностные (Zhang, Li, 2024); их интенсивность оценивается более высоко (No, Park, 2025). Для подростков, в отличие от взрослых, более важны и разнообразны внутренние стрессы: отношение к себе, отвержение, страхи (Головей, Галашева, 2024), то есть внутриличностные. В целом, показано, что подростки, которые в качестве значимых событий выделяют межличностные отношения или которые сфокусированы на себе и негативных событиях, схожи в проявлении тревожности, депрессии и стресса (Молчанов и др., 2025). Все это связано с особой значимостью социальных контактов и с уязвимостью внутреннего мира в подростковом возрасте. В совокупности описанные в ряде исследований особенности отношения подростков к неблагоприятным

событиям (особенно межличностного и внутриличностного плана) могли отразиться на их оценках жизнеспособности семьи.

Заключение и выводы

На основе шкалы оценки жизнеспособности семьи (FRAS) М. Сиксби в мировой практике разработаны различные версии методики для взрослых, иногда используемые и для подростков. Существующие единичные подростковые варианты либо слишком объемны, либо чрезмерно упрощены, что не позволяет получить реальную оценку жизнеспособности семьи. Разработанная нами FRAS20-RIIA позволила преодолеть данные ограничения, а полученные результаты воспроизводятся на двух случайных подвыборках подростков.

Исследование показало, что:

1. Краткий вариант FRAS20-RIIA сохранил пятифакторную структуру, включая субшкалы: семейная коммуникация и связность, позитивный прогноз и решение проблем, принятие и гибкость, социальные ресурсы, духовность семьи, которые обладают достаточной надежностью и внутренней согласованностью. Методика инвариантна относительно пола и возраста респондентов.

2. Внешняя валидность FRAS20-RIIA подтверждается корреляциями с характеристиками удовлетворенности жизнью подростков в разных областях.

3. Характеристики FRAS20-RIIA различаются в зависимости от пола, типа семьи, вида неблагоприятного события в семьях, что подтверждает пригодность методики для работы с разными категориями подростков и свидетельствует о ее внешней валидности.

Таким образом, FRAS20-RIIA рекомендована к применению как в масштабных, лонгитюдных исследованиях, так и

в индивидуальной работе с подростками и их семьями. Это позволит выстроить процесс взаимодействия психолога с семьей с учетом ее сильных сторон при преодолении подросткового кризиса и неблагоприятных жизненных событий.

Ограничения. Выборка включала относительно небольшое количество подростков мужского пола, а также недостаточное количество подростков разных возрастных групп, что ограничило возможность проведения более дифференцированного анализа жизнеспособности семьи. В частности, это ограничило изучение жизнеспособности семьи в отношении конкретных типов семей и видов неблагоприятных событий. Эти ограничения указывают на перспективные направления

для будущих исследований, включая расширение выборки и более детальную дифференциацию семейных структур, неблагоприятных жизненных событий, а также возрастных и гендерных различий.

Limitations. The sample included a relatively small number of male adolescents, as well as an insufficient representation of adolescents across different age groups, which limited the possibility of conducting a more differentiated analysis of family resilience. In particular, this constrained the examination of family resilience with respect to specific family types and types of adverse events. These limitations indicate promising directions for future research, including the expansion of the sample and a more detailed differentiation of family structures, adverse life events, and age- and gender-related differences.

Список источников / References

1. Гусарова, Е.С., Одинцова, М.А., Сорокова, М.Г. (2021). Шкала оценки жизнеспособности семьи: адаптация на российской выборке. *Психологические исследования*, 14(77). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.130>
Gusarova, E.S., Odintsova, M.A., Sorokova, M.G. (2021). Family Resilience Assessment Scale: Adaptation in a Russian Sample. *Psychological research*, 14(77). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.130>
2. Гусарова, Е.С., Одинцова, М.А., Козырева, Н.В., Кузьмина, Е.И. (2024). Шкала оценки жизнеспособности семьи (FRAS-RII): новая версия. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 21(1), 8–31. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-8-31>
Gusarova, E.S., Odintsova, M.A., Kozyreva, N.V., Kuzmina, E.I. (2024). Family Resilience Assessment Scale (FRAS-RII): A New Version. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 21(1), 8–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-8-31>
3. Головей, Л.А., Галашева, О.С. (2024). Опросник повседневных стрессоров для подростков. *Психолого-педагогические исследования*, 16(2), 77–97. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160205>
Golovey, L.A., Galasheva, O.S. (2024). Everyday Stressors Questionnaire for Adolescents. *Psychological and Pedagogical Research*, 16(2), 77–97. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.17759/psyedu.2024160205>
4. Достоевский, Ф.М. (2010). *Дневник писателя* / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации.
Dostoevsky, F.M. (2010). *Diary of a writer* / Editor-in-Chief O.A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization (In Russ.).
5. Достоевский, Ф.М. (1975). *Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 13. Подросток*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение.

- Dostoevsky, F.M. (1975). Complete Works: in 30 volumes. Vol. 13. The Teenager. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch. (In Russ.).
6. Лактионова, А.И. (2017). *Жизнеспособность и социальная адаптация подростков*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
 - Laktionova, A.I. (2017). *Resilience and social adaptation of adolescents*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
 7. Махнач, А.В. (2024). Изучение жизнеспособности семьи: динамика интереса и проблемы исследования. *Психология человека в образовании*, 6(4), 396–411. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-396-411>
 - Makhnach, A.V. (2024). The study of family resilience: dynamics of interest and research problems. *Psychology in Education*, 6(4), 396–411. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-396-411> (In Russ.).
 8. Молчанов, С.В., Алмазова, О.В., Долгих, А.Г., Султанова, И.В. (2025). Взаимосвязь выделяемых значимых событий и эмоционального статуса подростков в условиях нестабильной социальной ситуации развития. *Культурно-историческая психология*, 21(2), 49–60. <https://doi.org/10.17759/chp.2025210205>
 - Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Dolgikh, A.G., Sultanova, I.V. (2025). The relationship between the identified significant events and the emotional status of adolescents in an unstable social situation of development. *Cultural-Historical Psychology*, 21(2), 49–60. <https://doi.org/10.17759/chp.2025210205> (In Russ.).
 9. Сычев, О.А., Гордеева, Т.О., Лункина, М.В., Осин, Е.Н., Сиднева, А.Н. (2018). Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников. *Психологическая наука и образование*, 23(6), 5–15. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230601>
 - Sychev, O.A., Gordeeva, T.O., Lunkina, M.V., Osin, E.N., Sidneva, A.N. (2018). Multidimensional scale of life satisfaction for schoolchildren. *Psychological Science and Education*, 23(6), 5–15. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230601> (In Russ.).
 10. Akshaya, S., Prabakar, S., Borah, P. (2025). Contextualizing the family dynamics in step parent-step child relationship: a comprehensive scoping review. *SN Social Sciences*, 5(11), 187. <https://doi.org/10.1007/s43545-025-01226-2>
 11. An, Y., Cheng, X., Yue, J., Yuan, G. (2024). A psychometric study of the revised Chinese version of the family resilience assessment scale among children disadvantaged due to family migration. *Archives of Psychiatric Nursing*, 50, 115–121. <https://doi.org/10.1016/j.apnu.2024.03.013>
 12. Ao, L., Cheng, X., An, D., Yuan, G. (2025). Relationship between Perceived Family Resilience, Emotional Flexibility, and Anxiety Symptoms: a Parent–Adolescent Dyadic Perspective. *Journal of Youth and Adolescence*, 54(2), 510–521. <https://doi.org/10.1007/s10964-024-02083-7>
 13. Boqiong-Tian, Renhong-Shen, Rujun-Huang, Qiong-Xu, S. (2024). Psychometric Properties of the Family Resilience Assessment Scale for Children with Disabilities in China. *Sage Open*, 14(4). <https://doi.org/10.1177/21582440241288727>
 14. Buehler, C., Gerard, J.M. (2013). Cumulative Family Risk Predicts Increases in Adjustment Difficulties across Early Adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 42(6), 905–920. <https://doi.org/10.1007/s10964-012-9806-3>
 15. Chen, M., Ren, L., Jiang, H., Wang, Y., Zhang, L., Dong, C. (2024). Discrepancies in perceived family resilience between adolescents with chronic illness and parents: using response surface analysis to examine the relationship with adolescents' psychological adjustment. *BMC Psychiatry*, 24, 475. <https://doi.org/10.1186/s12888-024-05917-7>

16. Cherlin, A. (1978). Remarriage as an incomplete institution. *American Journal of Sociology*, 84(3), 634–650.
17. Chew, J., Haase, A.M. (2016). Psychometric properties of the Family Resilience Assessment Scale: A Singaporean perspective. *Epilepsy & Behavior*, 61, 112–119. <https://doi.org/10.1016/j.yebeh.2016.05.015>
18. Chiu, S.J., Chou, Y.T., Chen, P.T., Chien, L.Y. (2019). Psychometric properties of the Mandarin version of the family resilience assessment scale. *Journal of Child and Family Studies*, 28, 354–369. <https://doi.org/10.1007/s10826-018-1292-0>
19. Cho, G., Hwang, H., Sarstedt, M., Ringle, C. (2020). Cutoff criteria for overall model fit indexes in generalized structured component analysis. *Journal of Marketing Analytics*, 8, 189–202. <https://doi.org/10.1057/s41270-020-00089-1>
20. Chow, T.S., Tang, C.S.K., Siu, T.S.U., Kwok, H.S.H. (2022). Family Resilience Scale Short Form (FRS16): Validation in the US and Chinese Samples. *Frontiers in Psychiatry*, 13, 845803. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.845803>
21. Chu, A.M.Y., Tsang, J.T.Y., Tiwari, A., Yuk, H., So, M.K.P. (2021). Measuring family resilience of Chinese family caregivers: psychometric evaluation of the Family Resilience Assessment Scale. *Family Relations*, 70, 1297–1302. <https://doi.org/10.1111/fare.12601>
22. Demir, E., Demircio lu, H. (2024). A reliability generalization meta-analysis of the family resilience assessment scale (FRAS). *Journal of Pediatric Nursing*, 77, 150–157. <https://doi.org/10.1016/j.pedn.2024.04.003>
23. Finklestein, M., Pagorek-Eshel, S., Laufer, A. (2022). Adolescents' individual resilience and its association with security threats, anxiety and family resilience. *Journal of Family Studies*, 28(3), 1023–1039. <https://doi.org/10.1080/13229400.2020.1778504>
24. Gervais, C., Jose, P. (2024). Relationships Between Family Connectedness and Stress-Triggering Problems Among Adolescents: Potential Mediating Role of Coping Strategies. *Research on Child and Adolescent Psychopathology*, 52, 237–251. <https://doi.org/10.1007/s10802-023-01122-4>
25. Hamzah, H., Tan, C.S., Ramlee, F., Zulkifli, S.S. (2023). The 4-item family resilience scale: psychometric evaluation and measurement invariance of the Malay version in adolescents and young adults. *BMC Psychology*, 13;11(1), 392. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01435-5>
26. Jin, Y., Liu, J., Li, P., Hu, Y., Hong, X., Li, X., Teng, Y., Huang, M., Wang, Y. (2025). Longitudinal associations between family conflict, intergenerational transmission, and adolescents' depressive symptoms: evidence from China Family Panel studies (2016–2020). *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 19(1), 10. <https://doi.org/10.1186/s13034-025-00866-9>
27. Kaya, M., Arici, N. (2012). Turkish version of shortened Family Resiliency Scale (FRAS): the study of validity and reliability. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 55, 512–20. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.09.531>
28. Koçak, A. (2024). Unravelling the family curse: How parental depressive symptoms link to adolescents' depressive symptoms through interparental conflict and adolescent triangulation. *Current Psychology*, 43, 32735–32746. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06823-7>
29. Maurović, I., Liebenberg, L., Feri, M. (2020). A review of family resilience: understanding the concept and operationalization challenges to inform research and practice. *Child Care in Practice*, 26, 337–357. <https://doi.org/10.1080/13575279.2020.1792838>
30. Nadrowska, N., Błazek, M., Lewandowska-Walter, A. (2021). Polish adaptation of the Family Resilience Assessment Scale (FRAS). *Community Mental Health Journal*, 57, 153–160. <https://doi.org/10.1007/s10597-020-00626-3>

31. No, B., Park, S. (2025). Latent Profiles of Daily Stress and Related Factors in South Korean Multicultural Adolescents. *Applied Research in Quality of Life*. <https://doi.org/10.1007/s11482-025-10425-1>
32. Petren, R.E., Ferraro, A.J. (2022). Fathering in Diverse Family Structures: Separation, Divorce, and Stepfamilies. In: Molloy, S., Azzam, P., Isacco, A. (eds.). *Handbook of the Psychology of Fatherhood*, 151–170. https://doi.org/10.1007/978-3-031-14498-1_9
33. Polavarapu, M., Singh, S., Adhikari, M. (2025). Breaking the Cycle: Investigating Family Resilience as a Pathway to Better Adolescent Mental, Emotional, Developmental, and Behavioral Health Outcomes. *Journal of Child & Adolescent Trauma*. <https://doi.org/10.1007/s40653-025-00792-0>
34. Rozemberg, L., Avanci, J., Schenker, M., Pires, T. (2014). Resiliência, gênero e família na adolescência [Resilience, gender and family during adolescence]. *Ciencia & Saude Coletiva*, 19(3), 673–684. <https://doi.org/10.1590/1413-81232014193.21902013>
35. Shen, J., Zhou, S., Du, M., Xia, B., Jiang, Y. (2025). Cluster analysis of family resilience in adolescents with emotional disorders: a cross-sectional study. *BMC Psychiatry*, 25(1), 804. <https://doi.org/10.1186/s12888-025-07269-2>
36. Sixbey, M.T. (2005). Development of the Family Resilience Assessment Scale to Identify Family Resilience Constructs [Doctoral dissertation]. University of Florida, USA.
37. Tang, C.S.K., Siu, T.S.U., Chow, T.S., Kwok, S.H. (2024). A 6-Item Family Resilience Scale (FRS6) for Measuring Longitudinal Trajectory of Family Adjustment. *Behavioral Sciences*, 14(3), 251. <https://doi.org/10.3390/bs14030251>
38. Varis, H., Hagnäs, M., Mikkola, I., Nordström, T., Taanila, A., Keinänen-Kiukaanniemi, S., Heikkala, E. (2024). Association between childhood family structure and longitudinal health behaviour changes in adulthood –Northern Finland birth cohort 1966 study. *BMC Public Health*, 24(1), 1774. <https://doi.org/10.1186/s12889-024-19266-3>
39. Walsh, F. (2016). Family resilience: A developmental systems framework. *European Journal of Developmental Psychology*, 13(3), 313–324. <https://doi.org/10.1080/17405629.2016.1154035>
40. Yu, L., Zhou, X., Shek, D.T.L., Wang, Y. (2025). Family Resilience and Adolescent Mental Health in Chinese Families: The Mediating Role of Personal Strengths. *Applied Research Quality of Life*. <https://doi.org/10.1007/s11482-025-10453-x>
41. Zhang, J., Wen, W., Du, Y., Shen, Y., Coulter, K.M., Yan, J., Calder n, M.P.Y., Kim, S.Y. (2024). Parental Discriminatory Experiences and Ethnic Minority Adolescent Adjustment: A Systematic Review of Family Perspectives. *Adolescent Research Review*, 9, 587–620. <https://doi.org/10.1007/s40894-024-00238-y>
42. Zhang, X., Li, C. (2024). Predictors of Adolescents' Psychological Distress and Internet Addiction: the Role of Interpersonal Stress and School Burnout. *Journal of Child and Family Studies*, 33, 1070–1082. <https://doi.org/10.1007/s10826-023-02635-8>

Приложение / Appendix

Приложение А. Текст методики FRAS20-RIIA и ключ Appendix A. The text of the FRAS20-RIIA and the key

Каких людей ты считаешь членами своей семьи? Перечисли их. Твоя семья может включать в себя любых людей по твоему усмотрению.

С кем ты живешь?

Вспомни и напиши одно из неблагоприятных событий в твоей семье. Примерами таких событий могут быть: развод родителей, конфликты, смерть близкого, переезд, материальные трудности в семье и т.д.

Какой уровень интенсивности, по твоему мнению, это событие имело для твоей семьи? Где 1 — отсутствующая или низкая интенсивность, а 10 — высокая.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

После этого события почувствовал ли ты, что твоя семья (выбери тот ответ, который наиболее характерен для твоей семьи):

- стала менее дружной (все члены семьи отделились друг от друга)
- осталась такой же
- стала еще дружнее (все члены семьи стали ближе друг к другу)

Пожалуйста, внимательно прочти каждое утверждение. Реши, насколько хорошо оно описывает твою семью теперь по шкале:

Никогда — 1 балл
Редко — 2 балла
Иногда — 3 балла
Часто — 4 балла
Всегда — 5 баллов

1. То, что мы делаем друг для друга, помогает нам почувствовать себя одной семьей
2. Мы справимся, если возникнет еще одна проблема
3. Наша семья гибко реагирует на неожиданные трудности
4. Мы можем рассчитывать на поддержку других людей
5. В нашей семье есть общие ценности: взаимное уважение, честность, доброта, поддержка, и мы придерживаемся их
6. Мы все участвуем в принятии важных семейных решений
7. Мы можем справляться с трудностями всей семьей
8. Мы принимаем стрессовые события как часть нашей жизни
9. Мы уверены, что люди вокруг нас помогут нам, если случится трудная ситуация
10. Мы соблюдаем семейные традиции
11. В нашей семье все честны и откровенны друг с другом
12. Когда у нас возникают серьезные проблемы, мы чувствуем в себе силу их преодолеть
13. Мы вместе переживаем даже самые тяжелые времена и находим взаимопонимание
14. Мы знаем, что если возникнут проблемы, другие люди нам помогут
15. Нам помогают преодолевать трудности общие смыслы и ценности
16. Мы можем пойти на взаимные уступки, когда возникают проблемы
17. Даже в трудные минуты мы верим, что все наладится

18. В нашей семье мы можем открыто уточнить, если не понимаем смысла высказывания
19. Мы знаем, что мы важны для друзей нашей семьи
20. Когда мы сталкиваемся с трудностями, мы опираемся на внутренние ресурсы нашей семьи: любовь, взаимное уважение, взаимную помощь, доверие, доброту и понимание

Ключ

Шкала 1. Семейная коммуникация и связность = B1 + B6 + B11 + B16

Шкала 2. Позитивный прогноз и решение проблем = B2 + B7 + B12 + B17

Шкала 3. Принятие и гибкость = B3 + B8 + B13 + B18

Шкала 4. Социальные ресурсы = B4 + B9 + B14 + B19

Шкала 5. Духовность семьи = B5 + B10 + B15 + B20

Жизнеспособность семьи (общий балл) = сумма баллов всех шкал

Приложение В. Результаты психометрического анализа методики FRAS20-RIIA.
<https://doi.org/10.17759/sps.2026170211>

Appendix B. FRAS20-RIIA psychometric analysis results. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170211>

Информация об авторах

Мария Антоновна Одинцова, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Наталья Павловна Радчикова, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Елена Михайловна Семёнова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-1024>, e-mail: elsem507@gmail.com

Леонид Андреевич Комин, студент магистратуры, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8668-755X>, e-mail: lkominnn@gmail.com

Information about the authors

Maria A. Odintsova, Candidate of Science (Psychology), Head of the Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Nataly P. Radchikova, Candidate of Science (Psychology), Leading Researcher of Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research «PsyDATA», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Elena M. Semionova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-1024>, e-mail: elsem507@gmail.com

Leonid A. Komin, Master's Degree Student, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8668-755X>, e-mail: lkominnn@gmail.com

Вклад авторов

Одинцова М.А. — идея исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Радчикова Н.П. — применение статистических методов для анализа данных; визуализация результатов исследования, написание и оформление рукописи.

Семёнова Е.М. — написание и оформление рукописи.

Комин Л.А. — сбор данных для исследования, написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Maria A. Odintsova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Nataly P. Radchikova — application of statistical methods for data analysis; conducting the experiment; visualization of research results; writing and design of the manuscript.

Elena M. Semionova — writing and drafting the manuscript.

Leonid A. Komin — data collection for the study, writing and drafting the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено родителями подростков.

Ethics statement

Written informed consent for participation in this study was obtained from the participants.

Поступила в редакцию 16.01.2026

Поступила после рецензирования 23.03.2026

Принята к публикации 24.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2026.01.16

Revised 2026.03.23

Accepted 2026.06.24

Published 2026.06.30